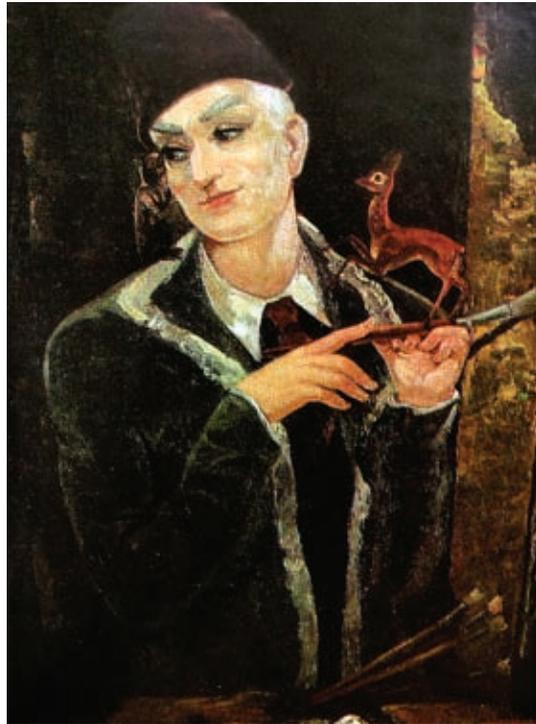

Ладо Гудиашвили

«Автопортрет», 1950 год

ОН БЫЛ воплощением артистизма. Его сюжеты — волоокие красавицы, газели и барсы, сплетающиеся в медово-тягучие, орнаментальные, словно в персидских миниатюрах, композиции, — в других руках превратились бы в нестерпимую салонщину. Но из-под его кисти выходило нечто сказочное и глубоко национальное, что даже в самые суровые соцреалистические годы выдавало: эта кисть была натренирована в Париже лучших времен. В пору застоя пряные картины Гудиашвили, выставившиеся в Москве, Ленинграде и, конечно же, в Тбилиси, равно как и дефицитные, изданные крохотными тиражами сборники Пастернака и Цветаевой, свидетельствовали о том, что и у нас когда-то была великая эпоха — эпоха авангарда.

В юности он входил в круг тифлиских футуристов, поклонялся, как и все они, Пиросмани, которого успел застать в живых, сошелся с Паоло Яшвили, Тицианом Табидзе и другими поэтами-символистами группы «Голубые роги», ездил с археологами восстанавливать фрески в древних грузинских церквях. В 1919 году отбыл в Париж: жил на Монпарнасе, пропал в «Ротонде» и «Улье», был на короткой ноге со всей «парижской школой», сдружился с главарем сюрреалистов

Андре Бретоном, выставлялся во всех европейских столицах и в Нью-Йорке, шел нарасхват у коллекционеров, попал в фавор у французской критики. На самой волне успеха — в 1925 году — он, измучившись ностальгией, вернулся в советскую Грузию.

Его в отличие от большинства друзей мятежной тифлисской юности не казнили в 1937-м. Он преподавал в Академии художеств в Тбилиси. Работал в кино: был художником в фильмах Михаила Чиаурели, а в 1936-м рисовал для первого грузинского мультфильма «Аргonautы». Иллюстрировал «Витязя в тигровой шкуре» и поэзию Саят-Новы. Продолжал выставляться по всему миру. По просьбе католика Грузии расписал церковь Кашвети в Тбилиси. Ему, поэту грузинской старины, ушедшему в старый Тифлис, как во внутреннюю эмиграцию, пришлось многое, он получил ордена и звания. При этом в его искусстве, хоть и тронутым соцреалистическим налетом, сохранялась память о парижской вольнице начала 1920-х, о сюрреализме, о примитиве и Пиросмани.

Мода на Ладо Гудиашвили иссякла к 1990-м, когда подобные ему хранители авангардных воспоминаний отошли на второй план, поскольку на первый вышел сам заново открытый

Народный художник СССР, кавалер двух орденов Ленина, Герой Социалистического Труда Ладо Гудиашвили (1896–1980) был, несмотря на официальное признание, действительно большим художником. Не столько народным, сколько интеллигентским — в известном смысле культовым, как Пастернак или Цветаева

радикальный авангард начала века. Впрочем, каков был собственно «авангардный» Ладо Гудиашвили, в России знали плохо: многое из того, что он сделал до возвращения на родину, осело в западных коллекциях. Так что выставка ранних — допарижских и парижских — работ Ладо Гудиашвили, которые вот уже десять лет собирают по всему миру Ивета и Тамаз Манашеровы, тянет на сенсацию.

Анна Толстова
«Ладо Гудиашвили. Парижские годы»,
Третьяковская галерея
в Лаврушинском переулке, с 18 ноября